

Г А Л А Э Л Ь

ТОРНАДО СЕРДЦА

Из любого жизненного состояния — в силу,
возможности и сверхвозможности!

Гала Эль
Торнадо сердца. Из любого
жизненного состояния
– в силу, возможности
и сверхвозможности!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74188596

Торнадо сердца. Из любого жизненного состояния – в силу, возможности и сверхвозможности!: Издательский дом «Кислород»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-907342-90-3

Аннотация

В этой книге настоящая истории пути уникальной женщины-легенды, которая уже 15 лет питается энергией Космоса или Жизненного дыхания, вместо физической пищи. Она рассказывает также о Пранадиете как о возможном варианте питания для человека будущего.

Гала Эль – открывает Сердца, помогает настраиваться на вибрации Мироздания, обучает дышать фантастически мощной энергией – Любовью, помогает Творить каждому свою совершенную Вселенную.

«С цифрами ученого становится понятно, что Любовь непобедима, что сильнее Любви ничего нет. Это не

фигурально. Это действительно так. Так что «люди Х» – это не люди с железными руками, а Люди, у кого в Сердце Любовь. Вселенская Любовь».

«Кто мне может дать самую большую, самую невероятную любовь? Только я сама. 99,99 Бога во мне, а «Бог – есть любовь» сказано в Библии (1 Иоанна 4:8)».

Содержание

Об авторе	6
Не умирай!	10
Солнце	19
Где я?	23
Мамочка, не умирай! Ты обещала	29
Закончился бензин	37
Вещий сон	42
Умереть не умирая	45
Серафим Саровский	50
Отшельник Артем	52
Первый пранический переход	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Гала Эль
Торнадо сердца. Из любого
жизненного состояния
– в силу, возможности
и сверхвозможности!

© ГАЛА ЭЛЬ, 2026

© Издательский дом «Кислород», 2026

© Дизайн обложки – Георгий Макаров-Якубовский, 2026

Об авторе

Гала Эль

- Уникальная женщина-легенда, которая уже 15 лет пи-

тается энергией Космоса или Жизненного дыхания, вместо физической пищи. Она рассказывает также о Пранадиете – безопасном очень разнообразном облегчении питания для каждого.

- Гала Эль – открывает Сердца, помогает настраиваться на вибрации Мироздания, обучает дышать фантастически мощной энергией – Любовью, помогает Творить каждому свою совершенную Вселенную.

- Хедлайнер международных ПранаФестивалей.
- Уникальное целительство «Совершенный Бог».
- Гала провела тысячи семинаров, ретритов, консультаций, целительных сеансов, сопровождений к конкретным целям.

- Она имеет последователей в разных странах, которые получили опыт Пранапитания и Пробуждения.

- Мастер бесчисленных пробуждающих медитаций – иной сератониновый мир внутри каждого.

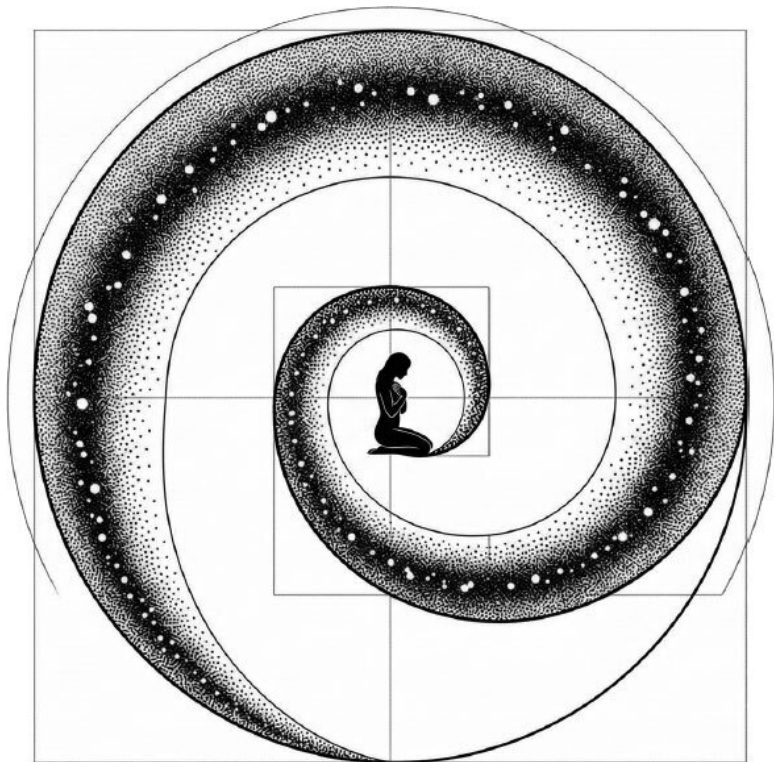
- Более 500 авторских программ и семинаров.
- Лицензия Министерства образования «Культпросвет здорового питания».

- Нутрициолог – диплом Института Патриса Лумумбы.
- Диплом Академии Здоровья при Российском Институте повышения квалификации врачей.

- Биорезонансный дипломированный диагност с практической работы.

- Дипломированный гомеопат.

- Нумеролог.
- Ауродиагност.
- Исследователь.
- Ведет сотрудничество со многими учеными мира.
- Опыт организации успешного бизнеса в поле Творения.
- Сопровождение по интересующему вопросу до результата.
- Основатель Духовной экосистема «Пранашамбала».
- «СверхМастерМайнд» – минигруппы выхода из дебрей в эффективность Предназначения.
- Пробуждение через «75 Ключей Пробуждения».
- Медитативный Клуб «Портал Счастья».
- Профессиональный режиссер.
- Писатель. Ответ на многие вопросы в одной книге.

Не умирай!

*Ничто другое не может прийти нам на помощь.
Только наше реальное совершенство.*

– Мамочка! Не умирай! Мамочка, не у-ми-ра-ай! – кричала вся в слезах моя маленькая дочка в постели, где я ее уложила спать полчаса назад.

Громкий истошный плач ребенка сорвал меня из-за стола на кухне, где я безмятежно попивала с мужем чай.

Переполненные страхом и слезами глаза маленького ребенка горели в темноте. Я бросилась ее успокаивать:

– Успокойся доченька. Я жива-здорова. Вот она я. Тебе что-то приснилось?

– Нет, я не спала. Пожалуйста, не умирай, мамочка, – не унималась она ни на секунду, судорожно вцепившись в мою руку.

– Конечно же я не умру! С чего ты взяла?

– Нет, ты умре-е-е-ешь.

Я опешила и бормотала что-то неразумелое:

– А я... а я не умру, успокойся...

– Умрешь, не обманывай. Все умирают. Ты тоже умрешь!

Она тянула ко мне мокрую от слез руку, другой рукой натягивала в страхе одеяло на лицо с пылающими глазами и умоляла:

– Не умирай! Не умирай, мамочка...

Успокоить, переубедить ее невозможно. Худенькое детское тельце тряслось во вспотевшей пижамке от жуты смерти. Маленькие пальчики с заусеницами от песочницы побелели, вцепившись в пододеяльник. Я растерялась. Начала лепетать первое, что приходило в голову:

– Успокойся, маленькая моя, не все... не все умирают.

– Правда? Не все? А кто не умирает? – в глазках ее, горящими угольками рассекающих темноту, мелькнула надежда.

Я обрадованно бормотала дальше:

– Правда, правда... Святые не умирают... никогда.

– Никогда-никогда? А ты же не святая, – и снова в рев.

– Я... я стану Святой. Я... буду молиться – молиться долго и стану Святой.

Я готова придумать ей сто сказок мира, лишь бы она успокоилась. Поняла, что сказочками не отделаешься. Она серьезно пыталась меня.

– Мамочка, правда ты станешь Святой и не умрешь?!

Я не понимала, что происходит.

– Конечно правда. Спи спокойно. – Я заботливо укрыла ее одеялом, прижалась к ней щекой, чтобы согреть своим теплом и успокоить. Она начала успокаиваться.

– Ты обещаешь мне, что станешь Святой и никогда-никогда не умрешь?

– Обещаю, обещаю... Никогда не умру – успокойся. Засыпай.

Видимо, страшные картинки в голове моей дочки сменились на какие-то неведомые, но другие. Неожиданно в темной комнате, наполненной страхом смерти, мое обещание вселило надежду в трепещущее сердечко малышки. Я сама не понимала, что говорю, стоя на коленях перед постелькой ребенка. Мы прижимались друг к другу в темной комнате. Весь мир в это время для нас перестал существовать. Он поместился в два наших сердца, бьющихся в унисон. Я не думала про Святых никогда. Я вообще мало что про них знала. Моя задача была успокоить ребенка.

Маленькая девочка, моя единственная дочка начала успокаиваться и с верой в сердце потихонечку заснула.

Я на цыпочках вышла из комнаты, вернулась к своей холодной чашке чая и уставилась на нее застывшими глазами.

– Что случилось? – спросил муж. – Она же у нас всегда спокойно засыпает. Что-то приснилось?

– Испугалась. Может, что-то привиделось, – ответила я, размешивая ложечкой холодный чай.

Я ни разу не вспоминала об этом 20 лет, не придавая этому особого значения.

В эту ночь я не могла заснуть нисколько.

Сегодня понедельник – я позволяю себе спать два часа. Вчера я спала четыре часа. Во вторник, среду, четверг и пятницу – пять дней в неделю – я не позволяю себе спать вообще. Я шью днем и ночью. Несмотря на такой режим, мне нравится шить. Это мое творчество, мое проигнорирован-

ное когда-то приглашение, мечта и страсть сердца быть модельером и фотомodelью. Люди ломаются в этот мир. Я, бог знает почему, отказалась от настойчивого приглашения в эту судьбу. Наверное, просто не смогла сделать смелого шага, стоя перед дверью Дома моделей, за которой меня ждали под честное слово прийти. Пришла и не зашла. Сейчас шитье приносило мне очень хорошие деньги и приближало к моей мечте купить квартиру. Бездомная и безденежная жизнь, в которой я почему-то неожиданно оказалась, меня никак не могла устроить.

Отчаяния, безысходности у меня не было. Только уверенность, что я решу все материальные задачи, а вот потом буду жить по сердцу. Про сердце сейчас не думала – думала, как выжить. Для этого надо довыжать из себя еще капли невозможных возможностей. Я превратилась в строчильную электрическую машину, которая отсчитывала секунды в заданной программе: на каждую строчку, глажку, упаковку – на каждую операцию. Я шила на поток. Стопки футболок и платьев. У меня все просчитано как на конвейере из одной меня. На каждый день строгое количество операций. Все успеть до утра в субботу, принести на рынок, где меня уже ждали мои продавцы, которые приютились в ряд, огибающий центральный стадион.

Все распродавалось до пустой сумищи. Раньше ни на секунду нельзя было двинуться с рынка – закон, установленный мной. Сама тоже на два дня переквалифицировалась в

продавца, а ночью продолжала шить. Как только появлялась усталость под палящим солнцем или морило в сон и покупатели шагали мимо, мне ничего не стоило встать: ножки в третью позицию, танцевальная осаночка, лицо истомы, харизму, и покупатели снова толпились возле меня.

Это горбачевская перестройка в целой стране. Выживали кто как мог. Может, не в перестройке дело, а в том роковом неверном шаге, который делаешь, и тебя, как поток селя с гор, подхватывает и несет невесть куда, а ты барахтаешься в нем, чтобы спастись.

Живой круглосуточный швейный станок в моем лице строчил и строчил. Дремать было нельзя. Глаза предательски закрылись на мгновение.

– Ой-е-ей!

Я пришила палец по краю ногтя к футболке. Боль пронзила все тело.

Это ладно. Как же вытянуть иголку машинки с ниткой обратно из пальца? Пытка как в концлагере – загонять иголки под ногти. Когда в фильме Рембо зашивает себе рану без наркоза – это герой, – все зрители восторгаются. А я в темноте тянула нитки и иголку из-под ногтя – завтра об этом никто и не узнает.

Забинтовав наскоро тонкий пальчик, я, не теряя драгоценные секундочки, продолжала шить.

Моя девочка привыкла спать под стук машинки. У мужа

от сладкого сна стекала слюнка на подушку.

Телевизор отвлекал меня во время работы от засыпания и снов. Вот все программы закончились, как обычно в 3 часа ночи. Пластинки на проигрывателе подвывали и еще больше утаскивали в сон.

Я была как зомби. Спасало то, что мои швейные изобретения нравились и радовали не только меня, но и людей до восторга: при полном отсутствии всего в магазинах – и вдруг такая красота.

Муж мне не помогал. Ему было как бы некогда: он помогал родителям на даче, ходил на работу в исполком, где его уже сократили, и пил. Красивый мужчина, спортсмен, почти чемпион мира, вот так... Бросить я его не могла, потому что мне его, по сути моего характера, еще и спасать надо. Да и дочка моя считала его своим отцом. Дважды оставить ее без отца я не могла.

Поджав все свои жилочки, я намеревалась лбом пробить стену. Ресурсы свои я собирала, даже экономя время «на попить водички». Нелегко, но у меня получалось.

Я видела радостные глаза тех людей, которые покупали мои вымученные изделия, восхищались и благодарили. На этом творческом поприще я чего только не придумывала! Все поражались, как это я практически из ничего сотворяла вещи, за которыми люди толпились. «Из ничего» потому, что время такое было: перестройка – страна уже трещала по швам, но мы об этом еще не знали. Не было тканей,

не было ниток, не было пуговиц. Я чудила из всего, что видела. Скупала по счастливому случаю турецкие пижамы, перуанские футболки. Украшала передними кусочками батистовых воротничков для школьниц и пуговицами для больничных халатов, покрашенными лаком для ногтей на колбасках пластилина. Чудесные творческие платица. Из отрезанных ног пижамы, которая «элегантно превращалась» в юбку, я шила невероятной красоты трусики, украшенные оставшимися средними кусочками батистовых школьных воротничков. Стопроцентное безотходное производство. Получались совершенно честные импортные вещи: платья, короткие футболки-ламбады, красивые трусеньяшки, мимо которых равнодушно никто не проходил. Даже пакеты упаковочные сохранялись родные импортные, только ацетончиком стиралось слово «пижама». Все остальное честно соответствует: состав, размер, производитель. В стране, где царил полный голяк товаров – вдруг такое чудо. Сначала меня смущали слова покупателей: «Дорогая, посмотри какая прелесть. Покупаем – будет тебе в чем в ресторан пойти». А потом я привыкла радоваться со всеми вместе.

«Ой, какая трудолюбивая!» – искренне и с завистью восклицала моя свекровь. Они больше всего любили поспать и поесть. А я вот такая аномальная почему-то любила труд. Любила пальцы насквозь прошивать на машине, отключившись в сон во время работы. Любила спать на ходу, как лошадь.

На самом деле, я любила свое светлое будущее. Точнее, старалась выжить в той ситуации, в которую я попала, выйдя замуж. «Да-а, тебя не задушишь – не убьешь», – шутили друзья. Или так: «Пульку ту не отлили, которая скосила бы тебя». Вот такие комплименты.

Ела я в этот период только чай и батон с маслом. Из-за экономии денег – каждая копейка шла на увеличение бизнеса и из-за экономии времени. Я посекундно считала, сколько занимает прошив той или иной операции. Да мне вообще не хотелось есть. Вернее, я вообще об этом не думала. Я изо всех силенок выживала. Нищенствовать или плакаться на нехватку чего-то было не для меня. Вот я и выжимала из своей физиологии все и даже больше, как в анекдоте: «Доярки надаивали от каждой коровы больше, чем они могли дать».

Под однообразные швейные процедуры мысли текли произвольно и легко. Тело мое самостоятельно шило, резало, гладило.

Спят мои близкие, полмира сейчас спит. А может, спят все как я, когда мне только кажется, что я не сплю. Спала я каждую минутку. Даже когда шла с троллейбуса до дома – спала на ходу и думала: «Наверное, вот так лошади спят на ходу». Люди тоже могут спать на ходу. А когда думают, что спят, – это просто сон во сне. Мне кажется, что люди не настоящие. Это кино. Иногда кино останавливается. Пока кино не остановилось, я изо всех силенок стремилась в ка-

кую-то неведомую настоящую жизнь. Я не знала, но чувствовала, что есть что-то другое. Может, это другой материальный уровень? Там много возможностей! Пока жму к необходимому. Я всегда что-то придумывала. Вот придумала, как в непростое время заработать много денег с нуля.

А если дело вообще в другом? Я шкурой ощущала, как что-то дышало мне в затылок? Может, я ощущала какую-то погоню? Смерть? Я об этом вообще не думала. Я вообще ни о чем таком не думала. Я спала и во сне и наяву, казалось, беспробудным сном. Как почти все люди.

Но люди еще любят причитать «после того как» – после смерти близкого или тяжелой болезни: «Ах, если бы я знал!» О себе или о родственниках. Можно и не знать, но чувствовать.

Я посмотрела на маленькую дочку. Она, свернувшись в позу зародыша, как в животике у мамы, спала в чужих сдвинутых креслах, заменяющих кровать. Успокоилась. Во что-то она поверила. Куда-то улетела в своих снах.

Солнце

Сидя на краешке дивана за швейной машинкой на стуле рядом с похрапывающим во сне мужем, я уплыла в детство. Просто оказалась там. Более реально, чем сижу на диване сейчас.

Я такая же маленькая девочка, как моя дочка.

Огромное снежное поле. Безбрежный белый океан. Мы с братиком, старше меня на два годика, стоим перед белым простором. С другого края этого белоснежного простора – огромное красно-оранжевое солнце собиралось уходить за горизонт. Это уходящее солнце заморозило нас. Было тихо. Отшумела, откричала куча-мала детворы на снежной горке и разбежалась по домам. Навеселившиеся досыта, уже собирались идти домой вместе со всеми и мы. Вдруг замерли перед сказочным зрелищем: невероятно огромный шар поглотил собою весь наш детский мир и куда-то мало-помалу почему-то исчезал.

– Где живет солнышко? – спросила я у братика. – Куда оно уходит?

– Я не знаю, – ответил он.

– Солнышко тоже уходит к себе домой. Пошли посмотрим, где его дом.

Братик через нахмуренные бровки посмотрел на меня. Я его уговаривала:

– Всего до конца поля. Это недалеко. Смотри, как близко солнышко. Вот же оно. Только посмотрим, где его дом. А потом и мы домой.

Брат не соглашался. Мы продолжали стоять, захваченные этим волшебством, не в силах двинуться с места. Что всколыхнула эта картина в моем детском сердце? Оторваться от этого зрелища я не могла. Солнце уже нижним краем уходило за горизонт. Я взяла братика за ручку и потянула вперед по полю, приговаривая взахлеб:

– Пошли, пошли быстрее! Оно уже уходит – видишь? Пошли посмотрим, где оно живет. Хочешь в гости к солнышку?

Мы шли, проваливаясь в снег. Вокруг ни души, только мы – два ребенка. Мир вокруг перестал существовать. Огромное красно-оранжевое Солнце, бескрайний волшебный белоснежный простор и мы. Мы просто были в этом завораживающем волшебстве. Просто шли. Шаг за шагом. Нам не было морозно, хоть в белые фетровые валеночки набился снег и мокрые рукавички заledenели на морозе. Нам не было страшно одним в этом бескрайнем белом безмолвии. Мы торопливо шаг за шагом преодолевали проваливающийся выше коленок пушистый снег. «Где живет Солнышко? Где живет эта красота и радость?» – этот внутренний зов согревал нас, магнетизировал. Мы шли и шли, взявшись за ручки...

Сколько мы шли, неизвестно. Время остановилось. Мы шли вне времени и пространства. Солнце уходило и уходило за горизонт. Ушло совсем.

Больше я ничего не помню. Мы как-то сразу очутились в домашнем уюте с мамой и папой. Кто нас нашел? Как мы оказались дома? Нас никто не ругал. Назидательные нотации прочитали братику. Меня, как особо любимое существо в семье, никогда не ругали. Наверное, я бы очень удивилась, если бы меня поругали. Разве я сделала что-то плохое?! Только тепло, забота и любовь родителей окутали меня дома.

С тех пор этот свет незримо манил меня, маячил перед глазами, стоило мне прикрыть глаза.

Где я?

– Открывает глаза, – говорит смутно долетающий до моего сознания чужой голос, я даже не понимала, что это обо мне. – Ожила. Ну, теперь уж точно не умрет. Выживет...

Я медленно открыла глаза. Белые постели, люди в белом. «Где я? – мелькнул в голове безликий вопрос. – Может, я на небе? Все белое... Что-то произошло... Что произошло? Почему я здесь? Где я?» Обрывочное сознание пыталось пробиться в реальность. В голове что-то промелькнуло, застонало и улетело: «Скорая»... Таблетки успокоительного... Больница... Не выдержала больше. Ум-м...» – простонала я.

Вспоминать не было сил, желания, ни-че-го... Я опять куда-то провалилась.

Поплыли картинки моей жизни, которые всегда считались напрочь исчезнувшими из моей памяти. Была уверена: что прожила – то исчезает навсегда. Сейчас не было контроля, не было силы воли, и оно самопроизвольно всплыло.

Аэропорт Казани. У меня пересадка. Я лечу в город Горький к своему всепоглощающе любимому Виталику. Просто лечу – стрельнуло в голове увидеть его. Он слушатель Высшей школы ОБХСС. Сердце поет, душа превратилась в огромное Солнце над горизонтом Жизни. Легкость невероятная. Глаза загадочные. Стою, слегка облокотившись о какую-то стойку, ярко выделяющаяся на фоне снующей мас-

сы людей, раздраженных от бесконечно откладывающихся рейсов из-за непогоды. Бордовое платье из тончайшей шерсти: внизу годе и плотная молния во всю точеную статуэтку фигурки, на плече розовые розы, выдавленные в пропитанной желатином ткани и вышитые шелком листочки цвета весенней травки. Голубой из легкой пузырчатой ткани «космос» летний плащ с капюшоном, загадочно покрывающий эту тайну. Все одеяние я сотворила собственными ручками. Эти волшебные руки как ни в чем не бывало возлежали, перекрестившись, как у Джоконды, и улыбка Мадонны загадочная слегка касается моих уголков губ.

Я, нагулянная по лесам, живу в своем романтическом мире рядом с Олесей Куприна, Ассоль Грина. Богемная работа не разрушала мой мир – режиссер. Хобби – творческое: я тошила упоенно, то вязала, то вышивала, то шлифовала деревяшки, принесенные из леса. Всем этим я украшала кофточки, платьишки или жилище, где я обитала. Жилище – квартира, и все входящие сюда восклицали: «Ой, порог переступил – и в Париже с канделябрами». Кухня завешана, совсем не как в Париже, ароматными букетиками из лесных ягод и цветочков, которыми я завариваю чай в высоких стеклянных стаканах, где очевидны каждый цветочек и ягодка на веточке, угощаю гостей ароматным вареньем из лесной земляники. Это лесная земляника! Аромат у-ум! Мое легкое тело видит красивые, приключенческие сны в хрустящих, отороченных творческими ручками кружевами, простынках. Цветы в

этой квартире растут от пола до потолка, золотые рыбки плавают в аквариуме с точным осознанием, что украшают это божественное местечко на планете. Жизнь легкая, как дуновение утреннего теплого ветерка. Глаза открыл – радость. Опустила божественные ножки с постели и коснулась пола – счастье нового дня! Оказывается, так можно жить, хоть и не осознавать своего истинного счастья.

В аэропорту все суетились и нервничали от того, что рейсы не переставали откладывать. Я стояла в полном спокойствии и безмятежности, словно делая одолжение этому месту своим присутствием. Я была в радости от предстоящей встречи. Меня никто не ждал и не встречал. Телеграмма, данная на скорую руку моему любимому другу, придет только через три дня и случайно с другим текстом. Современных отношений у нас не было. Я была гордая чистая недотрога. Что я к нему полетела? Сердце захотело. Именно в эту встречу самый любимый во всей Вселенной человек меня позовет не просто стать его женой, сразу пойти в ЗАГС, а его как слушателя расписывают в три дня.

Неужели такие девушки бывают? А ведь это я... Я?

Через весь зал аэропорта ко мне направляется парень. Красивый, стильный. Подойдя, отвлек меня от витаний в своем мире, говорит:

– Девушка, я ни на что не претендую. Просто я так долго наблюдал за вами и подошел сказать, какая вы необыкновенная. Такая сытая жизнью, довольная. Вот даже то, как

божественно возлежат ваши холеные ручки – все говорит об этом. Куда уж мне пробиться сквозь толпу ваших поклонников, да?

– Хи-хи, – ответила я на это, сверкнув сахарными зубками.

Второй раз я открыла глаза.

Белые постели больничных кроватей, на кроватях люди – смотрят на меня, переговариваясь:

– Открыла глаза.

– Живая, слава Богу.

– Смотрит на нас.

Больничная палата – наконец, дошло до меня. Зашел врач. Начал тормошить меня за плечо:

– Как себя чувствуем? Приходим в себя, просыпаемся, просыпаемся. Ишь, чего удумала! Таблеток наглоталась. Жить надо, не смотря ни на что...

Глаза снова закрылись. Говорить не хотелось ни с кем. Неудержимо опять уплыла в реальное кино прошлого.

Лежу на поляне разноцветья и лесной ароматной переспелой клубники. Благоухание сказочное! Бабочки, жучки, кузнечики, снуют, стрекочут, жужжат, ползают по рукам и ногам. Райские трели птиц уносят в другой мир. Деревья тепло шелестят мудростью столетий. Я ощущаю этот шелест всем своим телом. Он настраивает все мое существо на совершенный лад. В изголовье журчит, играя то камешками, то травками, родник. Глаза весело и томно перебежали с цветочка на

цветочек: белые ромашки и кашки, синие васильки, аленькие цветочки часики, желтые купавки, фиолетовые фиалки – на фоне сочной зелени травы. Аромат лесной клубники и земляники, размазанный в синергии с ароматом цветов и трав, насыщает без еды. Протянула руку сорвала, наслаждаюсь таящим вкусом клубничинки, прямо не вставая с места.

Пушистые облака в лазурном небе посылают мне блаженную истому. Солнце золотыми лучами переплетает все воедино вместе со мной. Я растворилась в этом божественном блаженстве природы.

– Ой-е-ей! – вскрикнула я весело.

Шепчу и разговариваю с природой. Все эти фуськи-муськи меня слышат и отвечают. Так интересно!

Выйдя из дома просто прогуляться, прошла к этой поляне километров двадцать. Не устала, а наполнилась силами, пока шла. Легла и растворилась в этой божественной красоте. Рай на Земле! Буквально. Я блаженно вдыхаю все эти божественные ароматы. Каждая клеточка во мне дышит радостью, благодарностью и счастьем. Дыхание мое мягкое, глаза блаженно начали закрываться...

Опять белоснежное безбрежное поле. У горизонта Солнце, уходящее в другой мир. Оно опускается от глаз человеческих к себе домой, в свою извечную обитель – Вселенную. Белые фетровые валеночки маленькой девочки ступают на это снежное безбрежное поле без конца и края. Это я, мне пять лет. В мутоновой белой шубке, белая мутоновая шапка

с пелериной. Миллиарды белых снежинок хрустят под детскими ножками. Волшебство. Покой. Манящий магнетизирующий покой.

Я воспарила с больничной кровати и полетела в это белое поле извечного покоя. Нет чувств, нет боли, нет переживаний, никаких. Впереди только огромное Солнце, заливающее мягким свечением Радости весь горизонт.

Маленькая девочка внутри меня сейчас замороженно шагала к солнцу, Домой, откуда все мы родом.

– Домой, домой, домой... – пульсировало в моей голове на больничной кровати, но сладостная пелена уводила меня куда-то в другой Дом.

Все страдания, боль, печаль – все растворяется с каждым шагом ребенка внутри меня. Вот уже нет ощущений никаких, кроме тихой радости и мягкого тепла от заходящего солнца. «Только дойти до горизонта, – стучало внутри меня, – и покой. Домой...» Белоснежный свет все больше и больше растворял в себе все. Совершенно все. Остался только белый свет...

Мамочка, не умирай! Ты обещала

– Мамочка! – услышала я пронзительный голос дочки откуда-то из другой реальности. – Мамочка, не умирай! Это правда, что ты не умрешь? Никогда! Ты обещала.

Я резко открыла глаза в третий раз в больничной палате.

Ясная мысль пронзила меня электрошоком: «Доченька! Она одна с хозяином квартиры. Домой, домой, домой! – застучала в голове лихорадочная мысль. – Домой прямо сейчас!»

Я сползла с кровати, пошатываясь встала на ноги. По полу ползала какая-то алкоголичка, а на соседней кровати лежала в забытии наркоманка... Как я здесь оказалась? Это был явно не Рай. Я вышла из палаты, никак не оценивая ситуацию. В полуобморочном состоянии я искала возможность выйти из больницы во что бы то ни стало! Прямо сейчас. Дежурные и врачи меня даже слушать не стали. За окном темно, зима. Одежду взять негде. Я еще настойчивее стала искать выход, что-то лопоча, объясняя причину, почему это так срочно мне надо. В голове стучало одно: «Домой, домой, домой! Доченька, доченька, доченька моя маленькая...» Не было сил осознавать, что произошло.

Какие-то два чеченца из больных сжалились надо мной:

– Девушка, мы вам можем показать аварийный выход – мы туда курить ходим.

Я обрадованно поспешила впереди них. Дверь была открыта. В одной тонкой рубашке и чужих спортивных штанах – одежда, в которую меня «заботливо» обрядила свекровь, отправляя на «Скорой» в больницу, не вписывалась в снег и мороз на улице. Я на это не обращала внимания. Подошла к первому попавшемуся прохожему, который изумленно рассматривал меня, и спросила:

– Скажите, как добраться до ближайшего метро?

– Но это далеко. Надо ехать на трамвае.

– Как?

В трамвае все искоса поглядывали на девушку среди зимы, в мороз и снег раздетую. Я ни на кого и ни на что не обращала внимания. Глаза под действием лекарств сомкнулись и всплыла картина вчерашнего-позавчерашнего дня.

Димка пришел под утро пьяный с пробитой головой. Орал, требовал то пить, то курить, то минералки. Опять сорвался с кодирования. Я позвонила свекрови, чтобы совместными усилиями его спасти в очередной раз. Она прибежала и решила спасти своего алкоголика от меня, стала уговаривать его уйти с ней. Муж меня любил и сопротивлялся, но она его перехитрила. У меня не было сил ни переживать, ни радоваться оттого, что так произошло. Они свалили.

Я прямо вслух говорю:

– Завтра я приму решение, а сегодня – спать! Ни о чем не хочу думать. Заснуть – и ни о чем не думать. Это уже сверх моих сил. За-а-снуть!

Голубая мечта! Я знала, что не смогу заснуть: меня будет трясти всю ночь и мозги будут зашкаливать от мысли «Как же это такое может происходить в моей жизни?! Что еще сделать? Что еще выжать из своего тела, чтобы все переменить, чтобы добраться до благополучия, радости, покоя, творчества, легкости, счастья? Я живу почти без сна, почти без еды. Работаю, экономя каждую секунду на себе. Рабам разрешали хоть сколько-то спать каждый день, а я себе – нет».

О том, что у меня была принцессная жизнь, я себе не позволяла вспоминать, а то бы в дурку попала точно. Руки тряслись, мозги кипели. Казалось, до утра у меня разорвется сердце и просто вдребезги разлетятся мозги. Я вспомнила про мешочек с лекарствами, которые подруга-медик Зина дала для перепродажи на базаре. Я побежала к нему. Руки рылись в лекарствах, а губы бормотали: «Все! Надоело! Лечь и заснуть! Спать, спать, спать...» Я нашла успокоительное. Выпила две таблетки и легла. Что пила, что нет. Вскочила и проглотила еще две таблетки. Легла. Не берет сон! Потом еще и еще. На меня не действовали лекарства.

Ночь как-то прошла в полубреду.

Утром я решила: «Взгляну своему дорогому мужу в глаза – как же он на меня посмотрит. Это мама все за него решила, а что же я увижу в его глазах? Объявлю: «Все, это конец». Выдержу одна. И долги отдам. Продам шубки, бриллиантики – остатки былой роскоши. Подожду себя – выдавлю еще какие-то капли невозможных возможностей. А с ним-то

лучше, что ли? Любящий... Пусть его спасают от пьянок его мама и тетя – мама номер два. Я буду спасать своего ребенка и себя».

Машинально накинула дорогушую шубейку, в ушах сверкнули бриллианты – остатки той самой былой роскоши, и побежала к свекрови. Перед ее домом насухую, не запивая, я проглотила остатки таблеток, которые у меня еще оставались в кармане – чтобы уж наверняка быть спокойной, достойной, а не колотиться, как дурочка.

– Что ты хочешь? – встретила меня свекровь вопросом, преграждая вход у порога.

– Я хочу увидеть Диму.

– Зачем?

– Просто посмотреть ему в глаза и сказать два слова.

– Его нету.

В полуоткрытую входную дверь, оказалось, видно, как нерешительно из кухни выглядывает мой муж – «настоящий мужчина, защита и опора», как он обозначился, когда звал меня замуж.

Через пять минут переговоров со свекровью я сидела в спальне, куда меня завели, на теплой постели в шубе. Было жарко. В конце концов от жары подействовали таблетки, все разом, и я упала на спину.

– А-а-а! – закричала свекровь. – Что это с ней?! Она не дышит. Пульса нет.

Трамвай скрипел на морозных рельсах. Постепенно я «по

почерку» начинала понимать, что произошло.

Пока ехала «скорая», предусмотрительная свекровь сняла с меня дорогие бриллианты и шубу – одела в какой-то хлам, вызвала врачей и, как сумасшедшую для оправдания себя и сына, отправила в больницу. Поэтому я и оказалась в палате с алкашами и наркоманами.

Было очень больно думать об этом. Мой организм оптимально расходовал силы, и я перестала вообще думать.

В метро «зайцем», как в трамвае, не проедешь. Я подошла к дежурной с просьбой:

– Я потеряла кошелек. Пропустите меня, пожалуйста. Дома маленький ребенок один остался.

– Не положено, – был холодный ответ.

– Ну я очень вас прошу.

Взглянув в мои глаза, контролерша поспешно пробормотала:

– Быстренько, чтобы никто не видел.

Потом я ехала еще в троллейбусе, потом шла пешком до дома в одной тонкой рубашонке зимой. Звоню в дверь. Сердце колотится, выскакивает из груди: «Доченька, доченька моя, я здесь, я пришла».

Возле дверного глазка я слышала какие-то приглушенные разговоры. Я позвонила еще раз. Дверь открыл... муж. Свекровь шарилась по шкафам с документами и что-то припрятывала в свои сумки. Я на видном месте оставляла письмо для подруги, на всякий случай, с объяснением случивше-

гося – его не было. Следы заматают.

– Как?! Как ты здесь оказалась?

– Где Саша?

– Ма-а-а-моч-ка! – вылетела ко мне дочка и вцепилась в меня со страхом. – Где ты была? Где ты была, я так тебя ждала. Я так тебя звала! Ты слышала?

– Конечно, конечно. Слышала. Успокойся: мама с тобой.

– Ты больше куда-то не уйдешь? Ты знала, что я тебя жду?

– Успокойся: мама с тобой.

Свекровь со страхом и лицемерной заботой заявила:

– Нельзя уходить из больницы в таком состоянии. Надо срочно вернуться. Дима, быстрее вызови «скорую».

– Никуда не пойду. Ни за что. – Я говорила тихо – насколько хватало сил. – Можете ничего не вызывать.

– Ну, хорошо, хорошо, – видя мою непоколебимость, решила она поиграть со мной в хитрость. – Давай ты ляжешь к своей подруге Зине в больницу.

– Я не лягу.

– Хорошо. Давай просто они тебе капельницы поделают, и вернемся. Надо восстановить здоровье. Ребенок же у тебя.

Мы поехали к Зине в больницу.

– Посиди в кресле – мы с ней договоримся сначала.

Они мельтешили: Димка правда перепугался не на шутку. Свекровь думала, как сухой из воды выйти.

Через две минуты свекровь с мужем вылетели из кабинета и следом – Зина:

– Галочка, заходи. Они мне предлагали взятку и бутылку, чтобы я уговорила тебя лечь в больницу. Я их выставила.

– Нет, Зина! Об этом даже не может идти речь. Я не могу лечь в больницу. Я не брошу ребенка.

– Галочка, я тебя ни за что не отпущу в таком состоянии. Тебе необходимо прокапаться, проколоться, обследоваться, зафиксировать заключение психиатра в истории болезни, что ты нормальная. Я же вижу, на что они способны.

– Нет и нет. Я не оставлю ребенка.

– А давай она в палате с тобой будет. На отдельной кровати. Питание у нас хорошее. Я с тобой тоже постоянно.

Настойчивость моей подруги Зины победила. Я лежала в больнице вместе с моей девочкой – она бегала по коридорам и всегда была со мной. Зина из дома носила еду – кормила, заботилась. Она меня очень любила. Лично приводила всех врачей и присутствовала при обследованиях и обходах.

Я больше спала от такого количества лекарств, и колотня от происходящего пока оставила меня. Подсознание выполняло задачу: «Выжить! Выжить!»

Моя невероятная живучесть всегда брала верх. Конечно же, выжила.

Я много раз выживала из, казалось бы, невыживаемых ситуаций. Иногда удивлялась, как проходила сквозь какие-то, казалось бы, невыживаемые ситуации с поразительной живучестью и работоспособностью. Всегда в моей голове стучал вопрос: «Почему? Почему в моей жизни так все склады-

вается? Я не хромая, не косая, не лодырь. Должен же быть в этом какой-то смысл». Всегда казалось, что сейчас я все попеределаю, добегу до края горизонта жизненных сложностей, и там точно солнечная жизнь.

Почему меня жизнь ведет таким путем? Я всегда всем советы раздавала, и вот ничего не понимаю сама. Какой-то неосознаваемый страх дышал мне в спину, гнал куда-то. Я бежала то ли куда-то, то ли от чего-то. Может, это страх смерти, который всех подгоняет и манит, в то время как все думают, что они заняты чем-то значимым. Сами ходят как по хрустальным льдинкам, в любую минуту могут провалиться сквозь эти хрупкие льдинки и оказаться в другой реальности жизненных перепетий, болезней или в следующей жизни.

Закончился бензин

Я святая простота с Урала, конечно же, не могла понять, почему Дими́на мама через неделю с обниманиями и поцелуями привела своего сыночка опять ко мне. Она воспринимала своего сыночка как школьника с прекрасными спортивными результатами, а за ним, оказывается, надо бегать по пивнушкам дорогой на работу или лечить в семнадцатый раз. Ей это было не под силу. А я бросить его на погибель просто морально не могла. Тащила «из болота бегемота» и впрягала в работу. Деньги нравились всем – и маме, и ему. Они на меня то молились, то вампирили до позеленения – до ссоры, которая давала им выхлоп дармовой энергии. Потом можно и пожалеть, ножки поцеловать, чайку налить. Я не понимала, но чувствовала, что здесь моя погибель. Пыталась уйти от этого через изменение жизни добыванием материальных благ. Вот мы и бежали наперегонки – моя погибель и внушенная нам всем перемена жизни через материальный успех.

Уже неважны были сами ссоры у нас с Димой. Они вспыхивали как спички. Сейчас было особенно невыносимо. Причина ссоры, с чего все началось, не имела значения. Причина гораздо глубже. Она непонятно терзает уже всегда. Рыдания хлынули в прорванные шлюзы, которые я так долго сдерживала силой воли, пониманием, прощением, нестерпи-

мым терпением. Я сжалась комочком в кресле, как в утробе мамы, словно пытаюсь инстинктивно вернуться в то защищенное, беззаботное время. Это не истерика. Это какой-то утробный плач. Рыдало все мое Существо, рыдали все эти годы, которые я жила не своей жизнью. Физически болело острое ощущение проживания не своей жизни, терпения всего нестерпимого и невыносимого.

Лопнуло мое жизненное кредо: «Если не нравится что-то в моей жизни, семье, материальные проблемы – я это могу изменить». Я всегда была уверена в своих силах.

Муж перестал ругаться, перепугался не на шутку и начал меня успокаивать. А я не успокаивалась. Он в отчаянии развел руками и сказал самое мудрое, что он мог придумать:

– Я сейчас «скорую» вызову.

Я вскочила, схватила большую сумку и со словами: «Все! Больше не могу!» стала собирать свои вещи. Бросала в нее что попадалось под руки. Димка забирал у меня сумку, я тянула ее обратно.

– Куда ты пойдешь с ребенком?! Тебе же некуда пойти.

– Мне все равно. Я тут больше не могу.

Все. Вот она грань, за которой что-то случается: болезнь, несчастный случай, смерть. Мыслей не было, просто ощущение предела. Как мотылек летела-летела, ползла-ползла на Свет, а Свет оказался простой тусклой электрической лампочкой, о которую опалились крылышки. Полета нет. Без полета, чувствую, не выжить. Моя биохимия включила ядер-

ную реакцию, и уже не остановиться. Не умея сдаваться никогда, сейчас я просто потеряла все смыслы.

Димка, чтобы выпустить пар из ситуации или от растерянности, неудачно пошутил:

– Успокойся! Да с тобой разве что-то может случиться?! Ты же Дункан Маклаут.

Я сверкнула на него глазами так, что он перепугался и добавил:

– Вечно живущий неуничтожимый герой. Что плохого я сказал? Это комплимент.

Сумка трещала, а мы остервенело перетягивали ее из рук в руки, как будто именно она сейчас все решала. Он победил – сумку забрал и спрятал. Я бросилась в кресло с новой волной отчаянных рыданий. Я действительно была в отчаянии. Работать еще больше было просто физически невозможно – 24 часа работы каждый день. Без сна, без отдыха.

Дима, чтобы разрядить обстановку, пошутил теперь удачно:

– Выбирай: скорая помощь или анекдот? Собака Бормана бежала, бежала и упала. «Наверное, закончился бензин», – подумал Штирлиц. Да... Анекдот не помог. Я вызову «скорую». А что же делать?!

Я даже говорить не могла. Лицо опухло от слез. Я ничего не слышала. Вся моя физиология, в конце концов, говорила «нет» всему тому, что я терпела, пыталась перелопатить и изменить. Но бобик сдох. Что делать? Погрязнуть в нищете?

Это вообще не про меня.

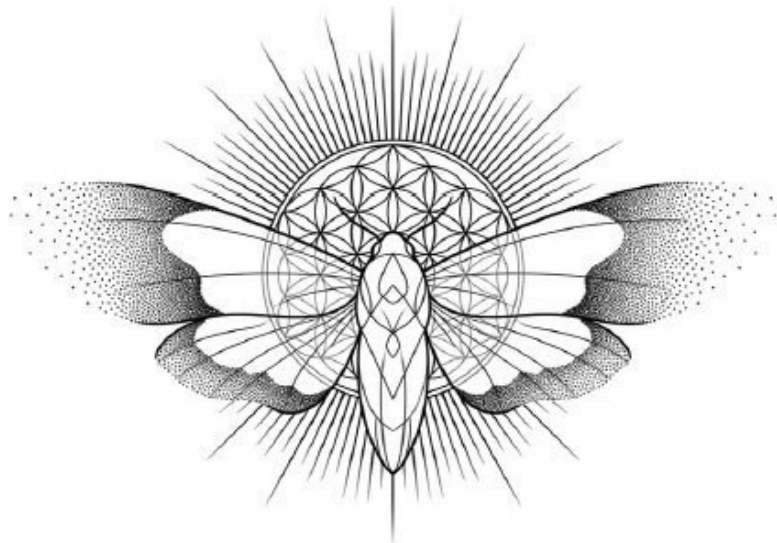
Дима, примостившись на уголочке кресла рядом, начал просто гладить меня по голове, приговаривая:

– Да кто же такое выдержит. Я что-нибудь придумаю. С работы уйду завтра же. Буду тебе помогать. Хочешь? Я еще что-нибудь придумаю. Выживем, успокойся. Все будет хорошо. Я за тебя мост Патона вдоль перегрызу и стаю воробьев в поле загоняю. Ты же знаешь.

Вечером он пришел с путевкой на базу отдыха в горные Карпаты.

– Едешь завтра в Карпаты. Надо отдохнуть. На природе, как ты любишь. По немыслимому благу единственная путевка. Света Олегова достала. Отказаться нельзя. Езжай одна. Саша останется со мной. Занятия балетом мы не пропустим. Тебя надо реанимировать.

В приказном порядке собрал и отправил меня на отдых.

Вещий сон

Карпатская турбаза тонула в море нереальных совершенно реальных подснежников и кристальной чистоты горного воздуха. Едва коснувшись подушки, горная красота и чистота сморили меня и я то ли задремала, то ли забылась.

Сумбурные мысли не давали покоя ни днем, ни ночью. В голове многомесячные споры, объяснения, доказательства, жуткие обиды, сожаления, оправдания «если бы да кабы». Часто целая толпа народа устраивала в голове тревогу, и она закипала. Иногда я впадала в какое-то забытие от усталости и мук, и это считалось, что я поспала.

В таком забытии я увидела напавший на меня жуткий сон.

Вся эта толпа народа в голове увеличилась раз в сто. Лица у толпы искореженные эмоциями, страданиями, зловеще серьезными или просто деловыми. Она что-то мне объясняла, рассказывала доказывала, кричала, преследовала, хватала меня липкими руками и куда-то тащила. Было цепеняще жутко. Кто-то сильно уцепил меня внизу за полы платья. Я, вырывая платье, взглянула вниз. Умоляющие глаза ребенка остановившимся неживым взглядом гипнотизировали и настойчиво манили за собой. Тут же глаза превратились в зловещие. Я подавилась криком. Толпа меня окружала все плотнее, inferнальные цепкие руки тянулись ко мне, хватали, шарили по телу, волосам, подбирались к горлу. Защитить-

ся, убежать от них – не получалось: они меня преследовали, окружали, зловонно дышали, кричали на меня, чего-то требовали, убежденно до брызгания слюной рассказывали и просили. Дрались. Кричали друг на друга и на меня. Как будто стаю сумасшедших выпустили из дурдома. Народу становилось все больше и больше. Еще чуть-чуть, и они меня задавят, растопчут, куда-то уволочут, разорвут. Визги, крики, гул голосов нарастал, как цунами. Вынести невозможно. Жуткие гримасы, цепкие руки хватали меня смертельной хваткой. Я вырывалась из последних сил, совершенно не понимая, что они от меня хотят. В ужасе я боялась упасть – тогда все!

Тут меня осенило – надо бежать, можно спастись бегством. Я бежала изо всех сил, как на последнем вздохе, как можно бежать только во сне. Огромная толпа шквалом ринулась за мной. Я оглядывалась и видела через плечо жуткую толпу, несущуюся за мной. Они тянули ко мне руки и цепко хватали.

– А-а-а! – судорожно кричала я кишками, всей сутью жизни.

Спотыкаясь, я бежала и бежала куда глаза глядят – лишь бы убежать. Страшно было упасть. Оторваться от них не удавалось.

Появилась гора на пути. Огромная. Оббежать нельзя. Единственный путь – вверх. Я карабкалась, раздирая руки и колени в кровь. Оказалась на узенькой тропинке, прилипшей к голой скале. Под ногами пропасть, без дна. Прижима-

ясь мокрой спиной к спасительной горе, я пробиралась по полстопы дальше. Куда? Не знаю. Наверх, наверх, наверх! Животный страх подсказывал мне – спасение наверху. Вниз возврата нет, преодолевалось крутое непроходимое высокогорье. Куда-нибудь наверх. Я вся превратилась в одну пульсацию: «верх, вверх, вверх». Все. Дальше прохода не было.

Мои руки нашарили какие-то камни над головой, уцепились за них. Подтягиваясь и помогая себе ногами, всем телом, извиваясь как червяк, я почувствовала, что куда-то пролезла моя голова и я начала вползать неведомо куда всем телом. Уцепившись руками, я подтянула на последнем издыхании плечи, грудь и осмотрелась. Крики, шум, страх стихли, исчезли. Все осталось где-то далеко внизу, как в другой жизни.

Я огляделась. Пустыня. Вокруг на всем видимом пространстве была пустынная растрескавшаяся земля. Мое тело влезло на эту землю и упало, уткнувшись лицом в нее, приходя в себя с одной мыслью: «Пу-сто-та. Что это? Куда я попала?» Было чувство, что я спаслась. Спаслась где-то вверху.

Я куда-то и от кого-то убежала, вылезла из смертельной опасности. Кроме меня здесь никого не было. Я здесь была одна.

Проснувшись, я долго не могла прийти в себя от этого жуткого сна. Меня трясло и трясло ознобом. Из сна перешло ощущение спасения. Слава Богу, я проснулась. А проснулась ли?

Умереть не умирая

У меня нестерпимо заболела Душа. Я не понимала этой боли, этого зова Души, что ли. Физически я здорова, а боль нестерпимая.

Куда бежать, когда тебя разрывает взрыв эмоций?! Как мой папа говорил: «Куда пойти, кому сказать, кто поверит?» Так случилось, что я забежала во Владимирский собор возле дома. Величественная красота. Я остановилась на входе. Вот эта архитектура и роспись, которые я изучала на лекциях по изобразительному искусству и получала свои пятерки. Теперь блуждаю по нефам и с мольбой смотрю на васнецовских Богоматерь и Христа, которые встретили меня на центральном куполе. Стала приходить сюда каждый день. Приходила, покупала свечку, ставила и бубнила что-то, вызывая к Богу своими словами. Легчало. Я не была фанатично набожной и молиться-то не умела, но душой растворяться в храме Божьем получалось.

Потом я оказалась в Ведененском монастыре, который славен тем, что там чудотворная икона, самоотпечатанная на стекле. Ученые после длительного изучения заключили: «необъяснимое чудо».

Потом меня вынесло в Китаевскую Пустошь. Это место Силы на окраине Киева. Здесь место паломничества в пещеру святого Досифея. Душа меня куда-то вела своею болью, а

здесь она, странное дело, затихала совсем.

Я поднимаюсь в пещеру Досифея, где ступали живые ноги Серафима Саровского, когда он еще был просто парнем Прохором из Курска. Пещера эта – просто дыра в песке и дверь, сделанная монахами. Совершенно темный проход, по которому можно пройти только со свечкой, данной монахом тебе на входе. Проход ведет к песчаной маленькой лежаночке. И все. Это келья святого Досифея. Я сидела на этой песчаной лежаночке, где он спал или молился. Впоследствии его келья превратилась в темную сеть таких песчаных келий, где позже поселялись другие монахи-затворники.

Здесь такая тишина, что она аж звенит. Оказывается, тишина не бывает тихой. Когда действительно тихо, мы слышим другие звуки. Я вожу свечкой по сторонам, над головой и осматриваю эту келью святого. Кем-то оставленные бумажные иконки и потеки от свечей. Вокруг песок, песок и больше ничего. Это не место бурного паломничества. Поэтому здесь почти всегда никого.

– Я на обед, – слышу голос монаха сверху. – Будете уходить или останетесь? Тогда я вас здесь закрою на замок?

– Закрывайте, – отвечаю я.

Стою одна, замурованная под землей в полной темноте. Это не просто темнота. Намоленная темнота, наполненная образами видения святого, которые структурировали каждую песчинку здесь. Сверху висят корни травы, которые проросли сквозь песчаную почву. Ощущения Земли изнутри.

«Как будто я умерла и в могиле», — подумала я, и жуть пробежала по позвоночнику. Трава растет наверху, а я вижу только корни, как из могилы. Шум жизни остался тоже наверху. И все мои проблемы тоже наверху. А здесь только я, звенящая тишина и больше ничего. Нет никаких проблем. Как после смерти, как из могилы.

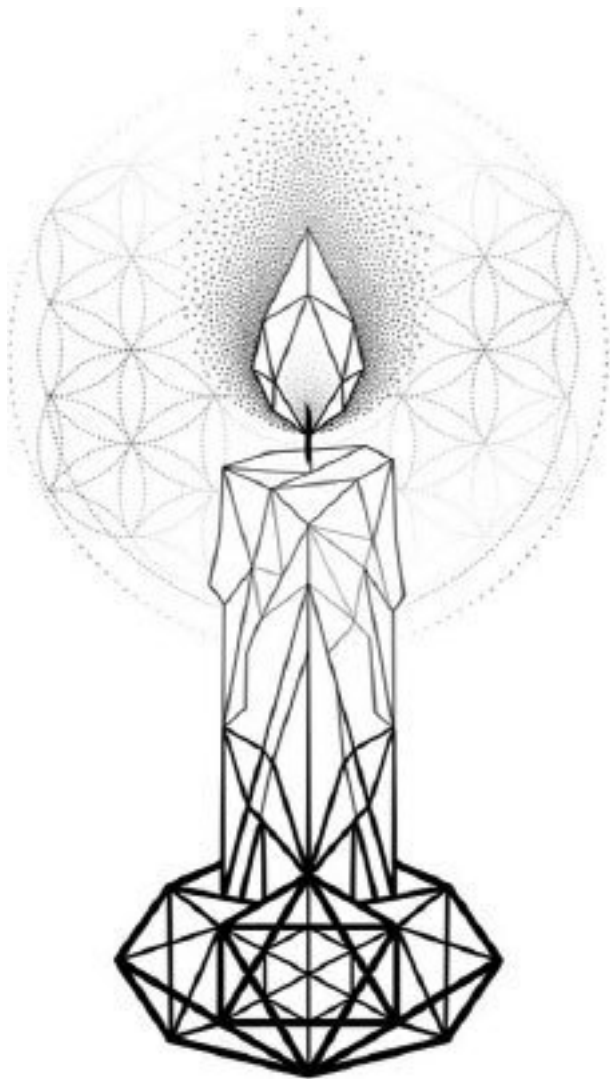
Кто такой этот святой Досифей? Это отшельник, который поселился возле монастыря и все время молился. Ел он изредка, когда еду ему приносили монахи. Святость его была такова, что сама царица Екатерина приезжала к нему и поднималась в эту самую келью, где сейчас я. Царские ножки стояли здесь, где мои. Они беседовали два часа. После беседы царица жаловала святому золотые монеты, которые он отдал на построение Троицкой церкви. Она и поныне встречает всех. Прохор в этой же келье, сейчас как бы рядом со мной. Он получил свое наставление от Досифея в Саровскую Пустошь и стал там Серафимом Саровским. Досифей молился, чтобы явился тот, кому он передаст свои Знания. И пришел этот парень Прохор пешком аж из Курска.

У меня вдруг мурашками по телу появилось яркое ощущение, что святой Досифей говорит и со мной. Не словами. Я внимала всем своим тонким, совершенно неземным ощущением. Ощущение могильной жути сменилось умиротворением. Оно сохранилось навсегда.

Меня стало тянуть приезжать сюда почти каждый день. В келье я подолгу сидела и слушала тишину, Досифея, Сера-

фима, Себя. В никогда не виданном раньше спокойствии я бродила по лесу сверху подземной кельи. Уже наизусть здесь знала каждую травинку и камешек.

Живописная живая красота этих лесов завораживала: озера с естественными фонтанами, тропы поверху откосов озер, устланные яркой желтизной опавших кленовых листьев. Иногда из леса возвращалась уже затемно или в полной темноте. Мне даже не приходило в голову бояться или заблудиться. Напротив, здесь я ощущала защиту, умиротворение и покровительство. Я на ощупь ног знала уже здесь все тропы.

Серафим Саровский

Из пещеры уже привычно иду в Троицкий храм здесь же рядышком, построенный за царские золотые для Досифея. Только спуститься по лестнице с деревянными перилами, чтобы придерживаться – здесь накрывало всех. Люблю в храме молча поговорить с Серафимом Саровским. Он говорит со мной просто и ясно, без особой ритуальности. Он не был великим богословом, от послушника до затворника говорил: «Стяжай Дух Святой» – вот и все его наставничество. Но мне без слов он говорил чуть больше. В душе после разговора с ним поселяется ясность и покой.

Внутри храма, как особая ценность, хранились под стеклом предметы, которые принадлежали Серафиму Саровскому. Особо завораживали вериги под стеклом на колонне, как в музее, которые он носил на теле под одеждой, не снимая никогда. Я подолгу смотрела на них. Его святостью и силой веяло от них, прямо накрывало. Почему здесь? Прохор из Курска получил здесь наставление от Досифея в пещерке идти в Саровскую Пустынь и проповедовать там. Мне было интересно: «А почему именно туда? Уж он-то не мог послать куда попало в таких огромных землях страны. Что-то он видел и знал. Загадка». Там он стоял на камне 1000 дней, чтобы избавиться от всех бесов в себе, от всего, что мешало ему познать Бога, три года хранил обет молчания, 15 лет затвор-

ничества, ел одну траву сныть, с рук кормил медведя и других зверей. К нему шли и шли простые люди и царственные особы. Всех встречал одними словами: «Здравствуй, радость моя».

Только ум все еще продолжал мучить меня вопросом. «Правильно ли я поступлю, если разведусь с мужем? А вдруг я буду потом каяться всю жизнь?» Страх неправильного решения изводил меня. Мне казалось, что, найдя стопроцентный ответ на этот вопрос, я успокоюсь. Мне казалось, что именно этот вопрос беспокоил мою душу так сильно. Откуда я могла знать, что меня беспокоит по-настоящему и что именно меня куда-то выталкивает. Куда? Поди пойми, если эти ощущения наново.

Ум подвел меня к священнику, который сказал мне: «Иди в Киево-Печерскую Лавру. Там есть святой Пафнутий. Это духовник всех священнослужителей Лавры. Он старый и больной, не принимает уже в келье, иногда выходит в трапезную. Попытайся его встретить по пути, когда он выйдет. Так можно». Священник вместе с Серафимушкой благословили меня.

Здесь издавна мужской монастырь, еще до величественного храма. Впервые попав в это невероятное по энергиям место, я осталась здесь надолго. Оно магнетизировало меня красотой озер, леса, монашеских троп. Троицкий храм, вылизанный монахами до сверкающей чистоты, утопал в плантациях благоуханных роз. Другой энергетический мир.

Отшельник Артем

Душа дома и в обычном мире продолжала беспокоиться – места себе не находила. Спасаюсь в храмах и на природе. Я исходила все леса в радиусе 50 км. Бреду, бреду куда ноги идут и глаза смотрят, растворяюсь в спасительной природе, и она нашептывает мне свои удивительные тайны.

Между деревьями проглянула какая-то полянка и прямо потянула к себе. Юркие ножки привычно зашагали навстречу. О! Глубоко в нехоженном даже отчаянными грибниками лесу набрела на отшельническую церквушку. Это просто высокая сосна и какая-то халабуда, в которой жил отшельник: просторная внутри, с иконами и столиком для трапезы. По утопанному песку вокруг сосны и лавкам было понятно, что не одна я набрела на это спрятанное глубоко в лесу святое местечко. Отшельником оказался молодой парень, совершенно адекватный и мудрый-премудрый. Я стала приходить сюда, и мы подолгу беседовали с ним. Его зовут Артем.

– У меня тоже очень болела Душа, – очень размеренно и мягко в унисон с природой и птичьими трелями говорит Артем. – Я понял, что вся суета, в которой я живу, меня привела в тупик, где меня ничего не радовало и я с ног до головы обрастал проблемами. У человека Душа говорит с ним, но он не слышит. Люди то заливают это алкоголем, то наркомания,

то психоделики разные, то заедают вкунсяшками, то прямо зажирают обильной едой или типа гурманство, или дорогая «кухня народов мира» в путешествиях. Я это все прошел. У меня крутой бизнес был. Не похоже? Пока не захотелось сбежать в глухой лес.

– Я вот тоже сбежала «в глухой лес». Все ведь не смогут сбежать в лес насовсем. Что делать людям в этом сумасшедшем мире? Где ориентиры счастья?

– Да. Они все страдают, считая это нормой, приспосабливаются, зажимаются, сходят с ума потихоньку или бурно. Обвиняют друг друга. А кто виноват? Никто.

Мы замолкли. Сидели молча. Слушали птиц, шум леса, капли дождя и приходили в состояние умиротворения – у мира Творения. Не хотелось ни о чем говорить. Все понятно. Люди много и громко говорят, чтобы заговорить Истину, которая что-то шепочет, тихонько стучит по голове. Это называется жизнь или трата жизни впустую. Мы с Артемом сидели и молчали, просто слушая Пространство, Природу, Себя. Душа успокаивалась, блаженствовала. Как же душевно молчать! Мы слушали молчаливую Истину.

Однажды мы пришли сюда с Сашенькой. Она была поражена и металась по утоптанной полянке, восклицала то и дело:

– Мамочка, посмотри какие скамеечки! А какое высокое дерево, Какой домик – я такого не видела. Давай зайдем, я одна боюсь.

Мы спустились в отшельническую халабуду Артема. Его не было.

Здесь горели постоянно свечи перед простыми иконками. Надписи, высказывания, плакаты – были настенными храмовыми росписями. Сашенька бегала и все с восторгом читала.

– Мамочка, почитай это:

«Без любви все ничто» – слова Апостола Павла:

Обязанность без любви делает человека раздражительным.

Ответственность без Любви делает человека бесцеремонным.

Справедливость без Любви делает человека жестоким.

Правда без Любви делает человека неуступчивым.

Воспитание без Любви делает человека двуликим.

Ум без Любви делает человека хитрым.

Приветливость без Любви делает человека лицемерным.

Власть без Любви делает человека насильником.

Честь без Любви делает человека высокомерным.

Богатство без Любви делает человека жадным.

Вера без Любви делает человека фанатиком.

Мне все больше и больше открывались тайны, неведомые раньше. Я совсем не стремилась к пониманию этого. Оно само так происходило, открывалось все глубже и глубже что-то сокровенное в этом мире.

Первый пранический переход

Мой бизнес уже вырос и работал сам. Муж сбежал к маме. Приходил только выносить мусор, обедать с нами, пару часов нас развлекать. Постепенно приходил все реже, приговаривая: «Я вам мешаю». Брал деньги с продолжавшего существовать швейного производства и уходил. Мне и правда было, видимо, проще без семейных забот. На них мое тело тоже перестало тратить ресурсы. Даже дочке я говорила почти только «Здравствуй, доченька». Я давала другого рода тепло ей сейчас, потому что нужнее, видимо, такая самостоятельность от всех – воля. Доченька подрастала в моем ищущем, меняющемся поле. Оно было для нее то пухом облака, то тяжелыми тучами, то полетом птиц, то звездами. Ее трансформации проходили вместе со мной. Она самостоятельно носила домой свои пятерки, хороводилась с друзьями. У нее сейчас два яруса в нашей высоченной сталинке в центре города, где три театра вокруг, лучшая по нашему выбору школа и балет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.